

Эльжбета ТЫШКОВСКА-КАСПШАК

Миф Иосифа Бродского в мифе Сергея Довлатова*

Сергей Довлатов с самого начала своей литературной деятельности последовательно создавал свой миф. Он строил повествование от первого лица — лица самого автора; основывал сюжеты если не на аутентичных, то на весьма правдоподобных жизненных ситуациях и, что немаловажно, включал в систему персонажей реально существующих, причем известных, лиц, как правило, связанных с литературной жизнью в СССР и в русской эмиграции. Такие писательские стратегии придают прозе писателя автобиографический характер, но ощущение правдивости рассказанных историй оказывается неверным. Многие знакомые Довлатова, ставшие героями его произведений, подчеркивали, что представленные им ситуации — это вымысел, литературная фикция. Например, Александр Генис писал: «В свои “Записные книжки” Сергей заносил не то, что ему говорили, а то, что он слышал. Я, например, не помню, чтобы рассказывал Довлатову хоть одну из баек, в которых упоминается моя фамилия. Дело не в искажении истины — все они, увы, достаточно близки к правде, мне просто трудно понять принципы отбора. Думаю, что Сергей лучше знал, из чего делается литература»**. В этом высказывании Генис, опровергая аутентичность довлатовских сюжетов, утверждает, что они — литература, а значит, продуманный и обработанный текст, не сводимый к реальной ситуации, послужившей материалом для его создания.

Сам писатель тоже признавался, что не ставит цель воспроизвести действительность. В интервью, данном Дж. Глэду, на во-

* Впервые: *Tyszkowska-Kasprzak E. Josif Brodski w twórczości Siergieja Dowłatowa // Slavica Wratislaviensia. 2003. № 122. Печатается в новой редакции.*

** *Генис А. Довлатов и окрестности. М.: Вагриус, 2000. С. 25.*

прос об автобиографичности его прозы писатель ответил: «Как будто бы, но не всегда. Дело в том, что тот жанр, в котором я, наряду с другими, выступаю, это такой псевдодокументализм. <...>...И я пишу псевдодокументальные истории, надеясь, что они время от времени вызывают ощущение реальности, что все это так и было, хотя фактически на сто процентов этого не было, это все выдуманно»*.

Выдуманные ситуации, в которые Довлатов ставит своих персонажей, однако, характеризуют не выдуманных, а реальных лиц, включая и самого автора. Можно констатировать, что представление субъективной картины мира с определенными и четко охарактеризованными персонажами сродни мифу**. Мифологизация и последующая демифологизация представителей русской культуры второй половины XX века, особенно неподцензурной, весьма популярна в литературных произведениях и высказываниях писателей. Такое создание мифов известных личностей входит в процесс мифологизации истории, присущий нашему времени***. Важно отметить тесную связь мифа с реальностью: он не имитирует действительность, но выражает способ видения мира, объясняет окружающие явления, события, лица****. Как утверждал А. Лосев: миф «это не выдумка, но — наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола»*****.

Итак, наследие Довлатова позволяет говорить о создании писателем автомифа. Его частью являются мифы о других личностях, причем особенно ярко проявляется миф об Иосифе Бродском. Образ дружбы ленинградских прозаика и поэта и впоследствии эмигрантов вошел в обиход, и многие биографы и авторы воспоминаний закрепляли этот миф.

Довлатова и Бродского соединили время и место. Они принадлежали к одному выросшему в конце хрущевской оттепели поколению и созревали в неповторимой атмосфере города Санкт-Петербурга — Ленинграда, наименее советского в то время. Судьба, а точнее власть, не позволила им реализовать свои творческие

* Глэд Дж. Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье. М.: Книжная палата, 1991. С. 90.

** Мелетинский Е. М. Миф и двадцатый век. URL: <http://ruthenia.ru/folklore/meletinsky1.htm>

*** Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Инвест-ППП, 1995. С. 117.

**** Мелетинский Е. М. Миф и двадцатый век.

***** Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. С. 36.

амбиции. Вынужденные покинуть страну, оба поселились в одном городе — Нью-Йорке.

Помимо биографических обстоятельств Бродского и Довлатова объединяли некоторые элементы ленинградской литературной школы, прежде всего — уважение к слову. Это сблизило прозаика Довлатова с поэтом Бродским. Неслучайно произведения Довлатова небольшие по объему — его лаконичность есть выражение уважения к слову, к стилю, более свойственного поэзии, чем прозе. В его текстах нет случайных слов, нет предложений, просто заполняющих пробелы в сюжете. Здесь каждое слово, как и в стихотворении, ставится на свое место, с которого его нельзя сдвинуть, не разрушив искусного литературного образа.

В произведениях Довлатова и Бродского наблюдается не только эстетическое, но и более глубокое сходство — мировоззренческое: им свойственны сдержанность, явное неприятие эффектности и пафоса, ироническая интонация, приглушение голоса, недосказанность. У обоих писателей схожа жизненная позиция, заключающаяся, главным образом, в их независимости. Они не принадлежали ни к каким формальным или договорным структурам типа литературных организаций или групп, оба декларировали собственный, решительно частный, личный взгляд на жизнь и искусство*.

Бродский посвятил Довлатову отдельный очерк, пожалуй, единственный написанный им о творчестве современного русского прозаика**. Текст был создан в первую годовщину смерти автора «Зоны» в 1991 году***. Само название эссе «О Серее Довлатове» не вписывается в канон названий критических литературных статей, в нем обнаруживается элемент приватности. Бродский пишет о Довлатове как о представителе своего поколения, родной ленинградской литературной школы, последователе тех же взглядов на искусство, которые можно охарактеризовать как «индивидуализм и принцип автономности человеческого существования».

В своих размышлениях о прозе автора «Чемодана» Бродский подчеркивает «отсутствие претензии», «трезвость взгляда на вещи», «здравый смысл». Поэт видит в Довлатове литературного

* *Генис А.* Бродский и Довлатов // Петрополь. 1994. № 5. С. 152.

** Кроме этого эссе Бродский был автором предисловия к произведениям Юза Алешковского и рецензии на Александра Солженицына.

*** Первая публикация — в журнале «Панорама», выходящем в Лос-Анджелесе (13–20 сентября 1991 г.). В России текст впервые был издан в журнале «Звезда» (1992, № 2).

и идейного союзника, который привил русской прозе те самые принципы, которые он сам привил русской поэзии*. Автор эссе не только выступает в качестве критика творчества Довлатова, но и упоминает о частном знакомстве с ним, истоки которого восходят к рубежу 1950-х — 1960-х гг.

Однако такая интерпретация эссе, удовлетворяющая многих почитателей творчества как Довлатова, так и Бродского, довольно поверхностна. Другое освещение написанному дают знакомые писателей, в частности Петр Вайль, а также Владимир Соловьев и Елена Клепикова. Оказывается, «человеческое» заглавие эссе придумал не автор, а Вайль, заказавший Бродскому текст. Вайль обращает также внимание на определение отношений между писателями: Бродский относился к Довлатову как к младшему не только из-за разницы в возрасте (чуть больше года), а прежде всего потому, что как поэт он ощущал свое превосходство над прозаиком: «<....> если вы пишете стихи, вы еще и в большей мере старшекласник по отношению к прозаику»**. Такое толкование высказывания Бродского дают также Соловьев и Клепикова, близкие друзья Довлатова, утверждая, что он не испытывал никакого преклонения перед поэтами и что Бродский посмертно приписывает ему «свою иерархию литературы, где поэзия на первом месте»***. Генис, в свою очередь, придерживается мнения, что сравнение прозы Довлатова с поэзией неуместно, поскольку она восходит скорее к музыке****.

Соловьев и Клепикова к тому же утверждают, что Довлатов не любил Бродского ни как поэта, ни как человека, а испытывал перед ним страх как перед боссом, управляющим литературной жизнью русской эмиграции.

Поэт пишет о «снисходительно-иронических» оценках, которые они с Найманом давали рассказам автора «Зоны» и якобы о постоянном его смирении. Авторы нескольких книг о Довлатове и Бродском не соглашаются с этим суждением, так как, по их мнению, Довлатов ценил свое творчество. Кроме того, они указывают на ошибки поэта в представлении коллеги, что свидетельствует о довольно слабых связях между ними, которые нельзя назвать дружбой*****.

* Бродский И. О Сереже Довлатове // Звезда. 1992. № 2. С. 5.

** Там же. С. 5.

*** Соловьев В., Клепикова Е. Быть Сергеем Довлатовым. Трагедия веселого человека. М.: РИПОЛ классик, 2014. С. 22–23.

**** Генис А. Довлатов и окрестности. С. 145–146.

***** Соловьев В., Клепикова Е. Быть Сергеем Довлатовым. С. 20–22.

Отношения Довлатова и Бродского не называет дружескими и Генис. Он считает, что «<...> Бродский был единственным человеком, которого Сергей боялся»*.

В тексте Бродского, кроме рассуждений о достоинствах прозы автора «Заповедника», появляются с виду маловажные сведения, которые, однако, вызвали интерес биографов и знакомых обоих писателей. Это касается способа об (ра) щения на «вы». Автор эссе вспоминает: «Мы были Сережей и Иосифом; сверх того, мы обращались друг к другу на “вы”, и изменить эту возвышенно-ироническую, слегка отстраненную — от самих себя — форму общения и обращения оказалось не под силу ни алкоголю, ни нелепым прыжкам судьбы»**.

Это декларимуемое равенство даже на поверхностный взгляд кажется мнимым, если учесть использование при номинации уменьшительно-ласкательной формы имени — Сережа и полной формы — Иосиф. Бродский убеждает в высоком уровне довлатовской прозы и предсказывает ему место классика русской литературы, но одновременно лишает значимости его достижения, снижает его положение в литературной среде: «<...> для меня он всегда был Сережей. Писателя уменьшительным именем не зовут; писатель — это всегда фамилия, а если он классик — то еще и имя и отчество»***. Формы «вы» придерживался сам Бродский, хотя Довлатов пробовал обращаться к нему на «ты». Историю, связанную с этой безрезультатной попыткой, автор «Зоны» рассказывал многим знакомым, что свидетельствует о том, как сильно поведение поэта задело его. Соловьев и Клепикова дают этому происшествию свое толкование: «Довлатов никогда не воспринимал Бродского ровней. Да тот бы и не позволил, а кто забывался, ставил на место. Когда при их первой встрече в Нью-Йорке Сережа обратился к Осе на “ты”, Бродский тут же его осадил»****. Сам Довлатов старался придать всему шутливую окраску. Генис так вспоминал этот случай:

«Встретив Бродского после многолетней разлуки, Довлатов обратился к нему на “ты”.

— Мы, — заметил тот, — кажется, были на “вы”.

— С вами, Иосиф, хоть на “их”, — выкрутился Сергей, но только день спустя, пересказывая всем эту историю»*****.

* Генис А. Довлатов и окрестности. С. 138.

** Бродский И. О Сереже Довлатове. С. 4.

*** Там же.

**** Соловьев В., Клепикова Е. Быть Сергеем Довлатовым. С. 19.

***** Генис А. Довлатов и окрестности. С. 23.

В письме к И. Ефимову Довлатов старается представить прошедшее с некоторым пренебрежением:

«Да, есть похвальба. Мне позвонил Бродский, сам. Хвалил рассказ в 19-м “Континенте”. Сказал, что будет говорить с переводчиком. И заниматься моей очередной книжкой по-английски. <...> В заключение сказал: “Кажется, мы 20 [лет] были на вы?”. Что х..ня. Мы лет двадцать на ты. Что с гения возьмешь? Даже такой звонок сумел отравить»*.

Второй приведенный Бродским в его эссе случай касается их знакомства в Ленинграде. Поэт вспоминает:

«Мы познакомились в квартире на пятом этаже около Финляндского вокзала. Хозяин был студентом филологического факультета ЛГУ — ныне он профессор того же факультета в маленьком городке в Германии. Квартира была небольшая, но алкоголя в ней было много. Это была зима то ли 1959-го, то ли 1960 года, и мы осаждали тогда одну и ту же коротко стриженную, миловидную крепость, расположенную где-то на Песках. По причинам слишком диковинным, чтоб их тут перечислять, осаду эту мне пришлось вскоре снять и уехать в Среднюю Азию. Вернувшись два месяца спустя, я обнаружил, что крепость пала»**.

Сам Довлатов в «Невидимой книге» представляет другую версию этого происшествия: «Я уже говорил, что познакомился с Бродским. Вытеснив Хемингуэя, он навсегда стал моим литературным кумиром.

Нас познакомила моя бывшая жена Ася. До этого она не раз говорила:

— Есть люди, перед которыми стоят великие цели!»***

Сама Ася Пекуровская — первая жена Довлатова, названная Бродским «крепостью» — представляет третий вариант истории знакомства писателей, причем полагает, что они оба хорошо помнили это событие, но предпочитали держать правду при себе.

«<...> Сережа впервые встретился с Осей в собственном доме на Рубинштейна, куда Ося был приглашен на свое первое и, как мне кажется, единственное в Серезином доме авторское чтение стихов. Их встреча закончилась обоюдной неприязнью, хотя у каждого были на то особые причины. <...> Сережа же занял снобистскую позицию, разделенную всеми

* *Ефимов И.* Эпистолярный роман с Сергеем Довлатовым // Довлатов С. Эпистолярный роман с Игорем Ефимовым. М.: Захаров, 2001. С. 28 (Письмо от 21 апреля 1979 г.).

** *Бродский И.* О Серее Довлатове. С. 4.

*** *Довлатов С.* Ремесло // Довлатов С. Собр. соч. СПб.: Азбука-классика, 2002. Т. 3. С. 15.

другими участниками этого вечера, включая меня, согласно которой Осе было отказано в поэтическом даровании. <...> Закончив “Шествие” <...> Ося направился к двери, предварительно сделав заявление представшей перед ним книжной полке: “Прошу всех запомнить, что сегодня освистали гения”. Не исключено, что, если бы это первое знакомство не началось так бесславно для освистанного Иосифа и так неосмотрительно для освиставшего Иосифа Сережи, их версии первого знакомства могли бы совпасть <...>»*.

Этой версии событий придерживаются и Соловьев с Клепиковой, утверждая, что позже Довлатов предпочитал, чтобы этого не было, по крайней мере, чтобы Бродский не помнил этого унижения. Авторы воспоминаний утверждают, что автор «Зоны» «погружался в пучину ужаса, когда думал, что нобелевский лауреат и литературный босс помнит, как, когда и, главное, кем был освистан на заре туманной юности»**. Они обращают внимание на еще один существенный момент в знакомстве писателей: их отношения в Ленинграде и потом в Америке были совершенно разными: «Это с нью-йоркской точки зрения Бродского Довлатов — маргинал. <...> В Питере все было иначе. Довлатов участвовал в обструкции Бродского после того, как тот прочел у него на дому “Шествие”. Такое не забывается. Плюс *cherchez la femme*. Здесь, в Нью-Йорке, они поменялись местами. Потому Бродский и порекомендовал Сережины рассказы в “Нью-Йоркер”, что не считал его соперником»***.

Показательно, что многие знакомые автора «Компромисса» включают Бродского в свои воспоминания о нем — в мемуарах, составляющих миф о Довлатове, отчетливо отображается уже существовавший миф о Бродском. Рассказывая о Довлатове, авторы мемуаров не намекают на неприязнь или соперничество между ними, а подчеркивают восхищение прозаика автором «Остановки в пустыне». Примером может служить книга Евг. Рейна «Мне скучно без Довлатова» (1997), где заглавный персонаж появляется дважды и обе ситуации связаны с личностью и творчеством Бродского. Рейн вспоминал визит к Константину Кузьминскому: «Довлатов тоже поглядел в книгу, потом отложил ее и стал читать наизусть. Он читал стихотворение Иосифа Бродского “Натюрморт”. Голос его нарастал, и видно было, как много для него значат эти стихи, как ему открывается в них особый смысл — и всеобщий,

* Пекуровская А. Когда случилось петь С. Д. и мне. СПб.: Symposium, 2001. С. 123–124.

** Соловьев В., Клепикова Е. Быть Сергеем Довлатовым. С. 241.

*** Там же. С. 20.

и сугубо личный, свой собственный»*. В другом месте, вспоминая разговоры на литературные темы, Рейн утверждал: «Еще в самом начале он отметил, отличил поэзию Иосифа Бродского. Стал почти маниакальным почитателем его и оставался таким до конца»**.

Точно так же отношение Довлатова к творчеству Бродского представлено в воспоминаниях о Ленинграде 1970-х годов Вадима Нечаева: «Сергей Довлатов приехал ко мне в гости с Иосифом. Бродский был в ударе, читал “Большую элегию Джону Донну” и последние стихи. Потом неожиданно возник диспут на тему: есть ли прогресс в стихотворстве. <...> Сергей не вмешивался в спор, было видно, что Бродский его кумир»***.

В этом фрагменте, как и в ряде других мемуаров, посвященных Довлатову, на первый план выступает фигура гениального поэта, а главный герой повествования отодвигается на второй план. Это обожание Бродского подчеркивает и Петр Вайль, который пишет о последнем периоде жизни Довлатова: «Он словно диктовал. Для памяти — свою литературную иерархию. Лучший поэт — Иосиф Бродский. Его Сергей боготворил»****.

Во многих своих произведениях, а также очерках и статьях на литературные темы Довлатов называет Бродского своим кумиром, поэтическим гением. В повести «Невидимая книга» (1976), являющейся литературной биографией автора, мы находим признание: «Я уже говорил, что познакомился с Бродским, и он, вытеснив Хемингуэя, навсегда стал моим литературным кумиром»*****.

Ко второму изданию этого произведения Довлатов добавил главу «Рыжий», целиком посвященную автору «Остановки в пустыне». Он изображает поэта вполне независимым творцом, не только не поддающимся веяниям и моде, но и свободным от балласта советской действительности: «Бродского волновали глубокие истины. Понятие души в его литературном и жизненном обиходе было решающим, центральным. Будни нашего государства воспринимались им как умирание покинутого душой тела. Или как апатия сонного мира, где бодрствует только поэзия... Рядом с Бродским другие молодые нонконформисты казались

* Рейн Е. Мне скучно без Довлатова. СПб.: Лимбус-Пресс, 1997. С. 36.

** Там же. С. 185.

*** Нечаев В. Довлатов и литературная ситуация в Питере конца 60-х и в 70-е годы // Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба / Ред. Арьев А. Ю. СПб.: Журнал «Звезда», 1999. С. 155.

**** Вайль П. Без Довлатова // Петрополь. 1994. № 5. С. 123.

***** Довлатов С. Ремесло. С. 15.

людьми иной профессии. Бродский создал неслыханную модель поведения. Он жил не в пролетарском в государстве, а в монастыре собственного духа»*.

Эту независимость Бродского подчеркивал Довлатов и в своих поздних текстах, например, в написанной уже в эмиграции статье «Блеск и нищета русской литературы» (1982): «Литературным антиподом Солженицына можно считать великого русского поэта Иосифа Бродского, моего давнего знакомого и кумира, который не соблазнился никакой общественно-политической ролью, остается поэтом, художником, творцом <...>»**.

Довлатов подчеркивал, что позиция Бродского соответствует его образцу художника. Автору «Чемодана» была близка не только этическая позиция его коллеги — лауреата Нобелевской премии. Он высоко ценил художественное мастерство поэта, акцентируя его сопротивление соблазнам формального новаторства, что было свойственно и его прозе. В одном из интервью на вопрос о самом важном событии в мировой литературе последних лет он ответил:

«Самым ярким событием в мировой литературе последних лет я считаю присуждение Нобелевской премии Иосифу Бродскому с последующей публикацией его стихов на родине. И существенно для меня не то, что премия досталась эмигранту, моему двойному земляку — по Ленинграду и Нью-Йорку и, наконец, моему старому знакомому, а то, что ее удостоился художник созидательного, позитивного направления, не формалист или декадент, а неоклассик, равно далекий как от любой идеологии, так и от холодного новаторства, прямой потомок Пушкина в отечественной литературе, мастер, творчество которого есть пример высокой духовности и чистого эстетизма»***.

Автор «Зоны» отводит Бродскому уникальную роль — мессии русской литературы. Эта мысль появляется в произведении «Марш одиноких», в котором, сравнивая русскую поэзию с историей Польши, автор пишет: «Действительно, есть что-то общее в этих трагических судьбах. Уж как душили русскую поэзию! Как только ее не увечили! Дуэли, войны, лагеря, цензура... Казалось бы, уже и нет ее. И вдруг рождается Бродский!»**** В эссе «Как издавать-

* Там же. С. 25–25.

** Довлатов С. Блеск и нищета русской литературы // Довлатов С. Собр. соч. Т. 4. С. 360.

*** Довлатов С. О себе / На анкету «Иностранной литературы» отвечают писатели русского зарубежья // Иностранная литература. 1983. № 3. С. 246.

**** Довлатов С. Марш одиноких // Довлатов С. Собр. соч. Т. 4. С. 28. Ту же мысль содержит приведенная выше статья «Блеск и нищета русской литературы».

ся на Западе?» Довлатов утверждает: «Мне кажется, Бродский успешно выволакивает русскую словесность из провинциального болота»*.

Бродский является для Довлатова и единственным представителем третьей волны русской эмиграции, добившимся литературного успеха за границей: «Из русских писателей добился несомненного успеха один Иосиф Бродский. Остальные, как правило, врут»**.

Значимость творчества Бродского была для Довлатова несомненна, он не допускал никаких дискуссий на эту тему, готов был оскорбить тех, кто сомневался в таланте его кумира. Одним из них был писатель-эмигрант Наум Сагаловский, с которым Довлатов издал совместный сборник «Демарш энтузиастов» (1985)***. В письме к нему в 1985 году он не без иронии и даже ехидства писал: «О Бродском спорить не желаю. Если уж Милош тебя не убедил, то я и подавно не смогу убедить. Будем считать, что ты к нему относишься, как Толстой к Шекспиру. Кстати, читал ли ты Толстого? Прочти, тебе понравится»****.

Шутливый вариант мысли о совершенстве и непогрешимости поэта представлен в анекдоте: «У Бродского есть дружеский шарж на меня. По-моему, чудный рисунок. Я показал его своему редактору-американцу. Он сказал:

— У тебя нос другой.

— Значит, надо, — говорю, — сделать пластическую операцию»*****.

Если в последнем анекдоте можно заметить авторскую иронию по отношению к высказанному, то в письме Ефимову, написанному после посещения Бродского в больнице, заметна его идеализация, восприятие с точки зрения не столько живого человека, сколько представляемых им идей: «Вот он, гений, великий писатель, знаменитость, кумир и так далее — валяется с серой физиономией, и что с ним будет завтра — неизвестно»^{6*}.

Фигура Бродского появляется и в анекдотах, составляющих значительную часть творчества Довлатова, либо в виде отдельно

* Довлатов С. Как издаваться на Западе? // Довлатов С. Собр. соч. Т. 4. С. 376.

** Довлатов С. Писатель в эмиграции // Довлатов С. Собр. соч. Т. 4. С. 383.

*** В сборник «Демарш энтузиастов» вошли рассказы Довлатова, стихотворения Наума Сагаловского и графические работы Вагрича Бахчаняна.

**** Ефимов И. Эпистолярный роман с Сергеем Довлатовым. С. 341 (Письмо от 30 ноября 1985 г.).

***** Довлатов С. Записные книжки // Довлатов С. Собр. соч. Т. 4. С. 225.

^{6*} Ефимов И. Эпистолярный роман с Сергеем Довлатовым. С. 366 (Письмо от 20 декабря 1985).

записанных миниатюр из жизни известных людей, либо вписанных в сюжетную ткань романов и рассказов. Уже в самом начале литературной деятельности в опубликованную в тамиздате повесть «Невидимая книга» (1977)* писатель ввел анекдоты о представителях ленинградской литературной среды. В его второй книге — сборнике «Соло на ундервуде» (1980)**, содержащем смешные изречения, сентенции и лингвистические шутки, — доминируют именно анекдоты. В 1988 году нью-йоркским издательством «Слово» была опубликована книга Марианны Волковой и Сергея Довлатова «Не только Бродский. Русская культура в портретах и анекдотах»***, содержащая фотографии Волковой, представляющие известных деятелей русской культуры, прежде всего эмиграционной, и анекдоты Довлатова, связанные именно с изображенными лицами. Второй сборник анекдотов «Соло на IBM» был создан уже в эмиграции и издан вместе с первым под общим заглавием «Записные книжки» (1990)****.

Жанр анекдота претендует на правдивость рассказанной истории, и это, кстати, существенная черта довлатовской прозы. Подлинность этих коротких рассказов подтверждает факт, что писатель приводил фамилии своих персонажей — реальных лиц. В анекдоте рассказчик уделяет внимание не легендарной, а реальной исторической репутации персонажа. Даже если содержание анекдота странное, необычное, недостоверное, повествователь стремится, чтобы ему поверили*****. Читатель анекдотов Довлатова также поддается впечатлению их аутентичности. На самом деле, невозможно проверить подлинность содержания анекдотов, однако рассказанные в них истории в основных очертаниях сопрягаются с судьбами определенных лиц или обществ, а также с конкретными событиями^{6*}. В случае довлатовских анекдотов, которые нередко переходили из одного сборника в другой, замечаются

* Довлатов С. Невидимая книга. Ann Arbor: Ардис, 1977.

** Довлатов С. Соло на ундервуде. Записные книжки. Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1980. Второе, дополненное издание вышло через 3 года: Довлатов С. Соло на ундервуде. Holyoke: New England Publishing Co, 1983.

*** Волкова М., Довлатов С. Не только Бродский. Русская культура в портретах и анекдотах. Нью-Йорк: Слово, 1988.

**** Довлатов С. Записные книжки. New York: Слово, Word Publishing House, 1990.

***** Курганов Е. Анекдот как жанр. СПб.: Академический проект, 1997. С. 25.

^{6*} Trzynadlowski J. Małe formy literackie. Wrocław: Ossolineum, 1977. С. 107.

трансформации сюжетов, но довольно сложно предполагать, что они возникают вследствие несовершенства памяти.

Надо подчеркнуть, что в таких текстах, хотя они в некоторой степени основаны на реальности, Бродский становится литературным персонажем, а описываемые ситуации транспонируются на литературное произведение. Эти анекдоты никак не снижают образ известного поэта — он предстает в творчестве Довлатова как воплощение писательского идеала, этико-эстетический самостоятельный художник, мессия русской литературы, поэт мирового масштаба. Такой портрет подмечают в творчестве Довлатова большинство критиков, исследователей и мемуаристов, пишущих об авторе «Компромисса». Однако в этом хрустальном образе нобелевского лауреата есть некоторые черты, ставящие под сомнение достоверность и искренность высказываний Довлатова.

В довлатовских анекдотах о Бродском можно заметить определенную эволюцию. В первое издание своей литературной биографии «Невидимая книга» 1977 года, изданной на Западе до эмиграции автора, он не включил главу о Бродском, озаглавленную «Рыжий». Она была добавлена лишь ко второму изданию, вышедшему после приезда Довлатова в Нью-Йорк. Стоит отметить, что в 1979 году в журнале «Эхо» под тем же названием — «Рыжий» — Довлатов опубликовал очерк о другом поэте — Владимире Уфлянде, в котором писал: «Мало кто замечает, что Уфлянд — рыжий. Почти такой же, как Бродский...»*. Правоммерно предположить, что это замечание вдохновило автора на повторное использование заглавия и использование эпитета «рыжий» к другому поэту.

Интересна эволюция анекдотов, опубликованных в «Записных книжках». В первой части, посвященной литературной жизни Ленинграда, Бродский является главным героем всего лишь пяти забавных миниатюр, и в его образе мы не находим ни следа восхищения его талантом. Он не предстает в них поэтом, а изображается в бытовых, обыденных ситуациях как человек с прекрасным чувством юмора. Например:

«Пришел однажды к Бродскому с фокстерьершей Глашей. Он назначил мне свидание в 10.00. На пороге Иосиф сказал:

— Вы явились ровно к десяти, что нормально. А вот как умудрилась собачка не опоздать?!»**

* Довлатов С. Рыжий // Довлатов С. Собр. соч. Т. 4. С. 261. Первая публикация: «Эхо» (Париж), 1979, № 1.

** Довлатов С. Записные книжки // Довлатов С. Собр. соч. Т. 4. С. 141.

Несколько иную окраску имеют тексты о Бродском во второй, эмиграционной части записных книжек: «Соло на IBM». Их количественно намного больше (целых девятнадцать), и они в большинстве своем представляют гениального поэта, раскрывают его взгляды, вкусы и пристрастия. В них автор привносит и оценки произведений Бродского в стиле: «Все равно он гений»*, «Он не первый. Он, к сожалению, единственный»**, «Конечно, Бродским восхищаются на Западе»***.

Можно предположить, что только в нью-йоркский период знакомства Довлатов увидел в Бродском те черты, которыми он так дорожил в художнике и в человеке. Однако в эпистолярном материале можно найти фрагменты, противоречащие этому тезису. Довлатов признавался в письме Ефимову, что Бродский как человек далек от совершенства: «Как уже говорилось, я провел день в обществе Бродского, присмотрелся к его слабостям и теперь ликую. Он, как говаривал о разных людях Боря Меттер, — “тоже похож на человека”»****. Довлатов даже неблагоприятно отзывался о характере поэта: «Абсолютно ненавистный мне тип человека — неорганизованный, рассеянный, беспечный трепач, да еще (как это часто бывает) со средними способностями. Вообразите себе тип Бродского, но без литературного дара...»*****. «Иосиф, мне кажется, не любит соизмеримых авторов»^{6*}. В другом письме Довлатов вспоминает выступление Бродского перед публикой и возмущается его поведением: «Тут состоялся вечер Бродского. Впечатление прямо-таки болезненное. Иосиф был ужасен. Унижал публику. <...> Зло реагировал на аплодисменты. Прямо как Жан Татлян. Допускал неудачные колкости... Мне он сказал: “Вы единственный человек здесь, которому я рад. Остальные — полное говно”. То же дословно было сказано Алику Рабиновичу, Збарскому, Грише Поляку и т. д.»^{7*}

Так почему же Довлатов так часто называл Бродского своим другом и кумиром? Возможно, ответ дает Ася Пекуровская: «Кумиром Бродский слыл в глазах других, но никто не извлек из этого

* Там же. С. 222.

** Там же. С. 224.

*** Там же. С. 223.

**** Ефимов И. Эпистолярный роман с Сергеем Довлатовым. С. 360 (Письмо от 8 декабря 1985 г.).

***** Там же. С. 236 (Письмо от 8 февраля 1983 г.).

^{6*} Там же. С. 61 (Письмо от января 1980 г.).

^{7*} Там же. С. 57 (Письмо от 31 октября 1979 г.).

большей пользы, чем его мнимый почитатель Сережа Довлатов»*. Этот же аспект знакомства писателей отметил и Валерий Попов: «Вторым, кого всегда поддерживала “длань” Бродского, — был Сережа Довлатов. <...> Бродский помагал ему с самого начала до самого конца — и лучшей поддержки в литературном мире быть не могло»**.

Правда, Соловьев считал, что эта помощь дорого стоила Довлатову, называя отношения писателей «тиранством Бродского над Довлатовым»***. По его мнению, автор «Зоны», несмотря на унижения, старался поддерживать хорошие отношения с поэтом: «Довлатов льстил с достоинством — Бродскому это нравилось. И вообще, такой большой, а льстит, заискивает, зависит. А что Сереже оставалось? Он действительно зависел от рекомендаций Бродского — в “Нью-Йоркер”, в издательства, на литконференции и гранты»****.

Довлатов прекрасно осознавал, что знакомство с признанным поэтом, впоследствии лауреатом Нобелевской премии, открывает перед ним новые перспективы и дает возможность войти в американский литературный мир. Как он сам отметил, «Иосиф — единственный влиятельный русский на Западе, который явно, много и результативно помогает людям»*****. Или в другом месте: «Карлинский и Бродский — самые влиятельные люди по русским делам в ньюйорктаймсовском книжном обозрении <...>»^{6*}. Так, он помог своему коллеге и поклоннику устроиться лектором русского языка в Коннектикут, нашел ему переводчика, успешно рекомендовал уже переведенные произведения в журналах, между прочим — в престижном «Нью-Йоркере» и т. д.

Помимо этих ощутимых благ, ссылка на знакомство или даже дружбу с Бродским укрепляла авторитет Довлатова в литературной среде. Во многих письмах к Игорю Ефимову Довлатов подчеркивал положительные отзывы Бродского на его произведения, например: «Мне позвонил Бродский, сам. Хвалил рассказ в 19-м “Континенте”»^{7*}; «Бродский хвалил мои последние

* Пекуровская А. Когда случилось петь С. Д. и мне. С. 119.

** Попов В. Довлатов. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 68.

*** Соловьев В., Клепикова Е. Быть Сергеем Довлатовым. С. 19.

**** Там же. С. 19.

***** По кн.: Генис А. Довлатов и окрестности. С. 137.

^{6*} Ефимов И. Эпистолярный роман с Сергеем Довлатовым. С. 264 (Письмо от 1 августа 1983 г.).

^{7*} Там же. С. 28 (Письмо от 21 апреля 1979 г.).

рассказы: “Конт.” No 19, “Время [и мы]” — 36, 38»*; «Бродский позвонил, наговорил комплиментов и сгинул, обещав издать меня в “Даблдей”, “Рэндом Хауз” и “Саймон энд Шустер”...»**; «Куда смотрит нью-йоркское бук-ревью?! Бродский говорит, что хвалил им меня и рекомендовал написать...»***; «<...> Бродский вдруг сказал мне довольно энергичный литературный комплимент»****; «<...> Бродский энергично хвалил “Чемодан”»*****; «Иосиф мне всячески содействует. Даже странно»^{6*}. Надо отметить, что эти похвалы особенно обильно выступают в письмах, относящихся к самому началу его пребывания в Нью-Йорке, когда он все еще ищет свое место в литературной среде эмигрантов.

Ефимов был не только знакомым Довлатова, который мог позавидовать ему в признании такого авторитета, но прежде всего издателем, человеком большого влияния в литературной среде эмиграции. Знакомство с выдающимся поэтом могло помочь Довлатову получить признание издателя, от которого во многом зависела его карьера. С автором «Зоны» Ефимов познакомился еще в Ленинграде, но как писателя оценивал его невысоко. Как вспоминала Елена Клепикова, «никто тогда не принимал его [Довлатова] всерьез. Помню, у Битова, Бродского, Марамзина, Ефимова, да у многих других, такой пренебрежительный отмах: “А-а, Довлатов — легковес”. <...> На вечеринках у Игоря Ефимова, где гостей сажали, как в Кремле или Ватикане, по рангам, Сережа помещался в самом конце стола без права на женщину <...>»^{7*}.

Довлатов иногда сам признавался в использовании фамилии Бродского для своих целей. Издавая книгу «Не только Бродский», содержащую фотографические и анекдотические портреты представителей культуры русского зарубежья, он выбрал именно Бродского для заглавия и оформления обложки. Свою идею он так объяснял Ефимову: «Таким образом книга приурочивается к событию [к присуждению Бродскому Нобелевской премии] и в этом, как мне кажется, есть некоторый коммерческий эффект <...>»^{8*}.

* Там же. С. 32 (Письмо от 4 мая 1979 г.).

** Там же. С. 34 (Письмо от 10 мая 1979 г.).

*** Там же. С. 49 (Письмо от 20 августа 1979 г.).

**** Там же. С. 294 (Письмо от 8 марта 1984 г.).

***** Там же. С. 394 (Письмо от 27 мая 1986 г.).

^{6*} Там же. С. 94 (Письмо от июля 1980 г.).

^{7*} Клепикова Е. Мытарь // Московский комсомолец. 5.09–12.09. 2001. С. 25.

^{8*} Ефимов И. Эпистолярный роман с Сергеем Довлатовым. С. 408 (Письмо от 19 ноября 1987 г.).

Надо подчеркнуть, что в попытке определить связи между писателями сложно однозначно определить их мнения, эмоции и намерения, поскольку представление этой проблемы в доступных нам сегодня материалах вызывает множество сомнений. В воспоминаниях их знакомых встречаются противоречивые суждения, даются разные толкования одних и тех же ситуаций. В высказываниях Довлатова о Бродском тоже нет последовательности. Можно предположить, что история их знакомства — это история взаимного влечения и отталкивания, уважения и неприязни, помощи и обид. Миф о Довлатове, основанный на его творчестве и многочисленных мемуарах знакомых, непременно включает и миф о Бродском.

